

— Я только начинаю об этом говорить, а ты уже гонишь меня прочь... Ты прямо вылитый твой отец! Совсем не заботишься обо мне!

Услышав его слова, Цзин Юйжоу сразу же обиделась, и слёзы тут же покатились из её глаз.

Тётя Мэй больше не могла этого выносить и поспешно сказала:

— Господин Чэн только что попал в аварию, у него ещё сотрясение мозга. Врач сказал, что его нельзя беспокоить, ему действительно плохо. Госпожа, проявите снисхождение...

Только тогда Цзин Юйжоу заново осознала, что её сын всё ещё является пострадавшим, и наконец успокоилась, даже смущённо взглянув на Чэн Юэ. Она достала носовой платок, вытерла слёзы и обиженным голосом сказала:

— Ну, тогда я пойду. Ты поправляйся... Кстати, насчёт операции — хорошенько подумай.

Чэн Юэ потер виски:

— Угу, я понял.

*

Когда Цзин Юйжоу наконец ушла, Чэн Юэ облегчённо выдохнул.

— А где Бай Сяо? — спросила тётя Мэй.

Чэн Юэ помолчал и сказал:

— Под кроватью... Бай Сяо, вылезай.

На самом деле сейчас он совсем не хотел встречаться с Бай Сяо... Как только он увидит его, ему придётся объяснять всё то, о чём только что говорила мать.

Одна только мысль об этом заставляла его чувствовать себя неловко.

Затем он увидел, как Бай Сяо выкатился из-под кровати.

Шапка, которую он носил при каждой встрече последние два дня, упала на пол. Бай Сяо довольно неловко поднялся. Пространство под койкой в этой палате было пустым, его часто убирали, так что было относительно чисто. Бай Сяо отряхнул пыль с одежды, осмотрелся и облегчённо выдохнул:

— Ушла?

Но тётя Мэй и Чэн Юэ одновременно фыркнули со смеху.

Бай Сяо был озадачен:

— Чему смеётесь... А, моя шапка.

Только сейчас он заметил, что шапка упала на пол, когда он катался, и его круглый лысый череп оказался на виду у обоих.

Бай Сяо поднял шапку, даже не потрудившись надеть её, положил на стоящий рядом стол,

развалился на стуле у кровати, потрогал свою лысину и сказал:

— И чему вы смеётесь... Серьёзно, я же всё равно красавчик, да? Настоящий красавчик выдерживает испытание лысиной...

— Да-да, очень красивый, — напряжённая атмосфера в комнате мгновенно разрядилась.

Тётя Мэй взглянула на Чэн Юэ с улыбкой в глазах и сказала:

— Я сначала выйду, поболтайте.

— Хорошо, тётя Мэй, спасибо за труды, — Бай Сяо кивнул тёте Мэй.

Та помахала ему рукой и вышла из палаты.

После только что разыгранного фарса в палате остались только они двое, и Чэн Юэ снова замолчал.

Объятие было внезапно прервано, и Чэн Юэ почувствовал, что мужество, которое он с таким трудом собрал, снова развеялось. Он почти не знал, как ему теперь смотреть в глаза Бай Сяо.

Несколько мгновений они молчали, первым заговорил Бай Сяо, задав самый волнующий его вопрос:

— Что твоя мама имела в виду под «сделать операцию»? Разве доктор Лян раньше не говорил, что всё хорошо?

Чэн Юэ опустил веки, не глядя на него, приоткрыл рот, словно не зная, как объяснить.

Бай Сяо тоже не стал его торопить, а просто терпеливо ждал.

Чэн Юэ вдруг поднял взгляд, увидел полный заботы взгляд Бай Сяо, и ему снова захотелось заплакать.

— Со мной всё в порядке... Она ещё не знает, что я... беременен, — последние три слова дались Чэн Юэ с большим трудом. — Она имеет в виду, чтобы я удалил женские органы, полностью восстановился... стал нормальным.

Бай Сяо не ожидал такого, в его глазах мелькнула боль, и он уже собирался что-то сказать, но Чэн Юэ снова заговорил:

— Для тебя, для тёти Мэй, для доктора Ляна... со мной всё в порядке. Но для моей матери это — первородный грех. Она всегда считала, что из-за этого отец не любит меня, а значит, и её тоже.

Чэн Юэ усмехнулся над собой:

— В её глазах я чудовище, а она всегда считала, что терпит меня, что многое для меня сделала... Она постоянно твердила мне, что после этой операции я стану более совершенным, что отец из-за этого изменит своё отношение ко мне, к нам... Но я не согласен.

— Почему я должен меняться ради какого-то отброса и сумасшедшей?

Он смотрел на Бай Сяо, его глаза были красными, во взгляде читались упрямство и

уязвимость.

Он вдруг закрыл глаза и глубоко вздохнул:

— Поэтому мы и мучаем друг друга... Не спрашивай больше, говорить тут не о чем...

В следующую секунду он оказался в объятиях.

Чэн Юэ замер на несколько мгновений, поражённый этим тёплым объятием.

Он вдруг вспомнил теорию Бай Сяо об объятиях и исцелении. И только сейчас он по-настоящему почувствовал, что Бай Сяо был прав.

В тот миг, когда тепло его тела передалось ему, Чэн Юэ вдруг ощутил в глубине души волну тепла, словно мгновенно сметающую весь ледяной холод этих лет.

В этот момент сердце Бай Сяо разрывалось от боли. Ему казалось, что этот всегда холодный человек сейчас вот-вот рассыплется от одного прикосновения. Он поспешил прижать его к себе, погладить, нежно поцеловал в основание уха и тихо прошептал на ухо:

— Ты прав, нечего меняться, ты и так самый лучший.

В душе Чэн Юэ что-то дрогнуло, он едва сдержал слёзы.

— Отныне у тебя есть я... и Маленький Саженец. У нас всё будет хорошо, да?

Чэн Юэ ничего не ответил, лишь слегка задрожал в его объятиях. Через некоторое время Бай Сяо вдруг почувствовал, как тёплая капля упала ему на заднюю часть шеи.

Сердце ёкнуло.

Именно в этот момент Бай Сяо понял, что уже никогда не сможет отпустить его.

— На самом деле я всегда не хотел, чтобы ты подходил слишком близко... — хрипло проговорил Чэн Юэ. — Я не знаю, на что способны эти люди... Я не боюсь, что они нападут на меня, я боюсь, что тебе причинят вред... Они все сумасшедшие... Все до одного!

Говоря это, Чэн Юэ всё больше возбуждался. Однако, едва закончив говорить, он весь застыл.

Ему вдруг показалось, что тон его голоса только что был точь-в-точь как у его матери.

Сердце упало в пятки.

Его внезапно охватила крайняя усталость, руки, обнимавшие Бай Сяо, ослабли, и он тихо проговорил:

— На самом деле, тебе лучше уйти... Я и сам не знаю, когда могу снова стать ненормальным... Может, однажды ты обнаружишь, что я совсем не такой, каким ты меня представлял... и захочешь уйти. А в тот момент я, возможно, уже не смогу так легко отпустить тебя, как сейчас...

— Тогда и не отпускай, — Бай Сяо слегка отстранил его от себя и серьёзно посмотрел на него.
— Посмотри на меня...

Чэн Юэ поднял глаза — они действительно были красными, на щеках оставались следы слёз. Бай Сяо с болью в сердце протянул руку, стёр его слёзы и мягко сказал:

— Ты не можешь стать ненормальным, как говоришь. Ты не такой, как они, и ты сам это прекрасно понимаешь. Иначе ты не захотел бы, чтобы я растил Маленького Саженца, и не старался бы изо всех сил вырваться из той семьи, верно?

— Но...

Бай Сяо приложил палец к его губам, глядя на его уязвимое выражение лица, упёрся лбом в его лоб и сказал:

— Я ни за что не оставлю тебя и Маленького Саженца. Ты говоришь, что в будущем я буду сожалеть, но если я уйду сейчас, то пожалею уже сейчас. Если из-за страха перед будущим отказываться от настоящего, разве это не потеря больше, чем приобретение?

Чэн Юэ моргнул и кивнул.

Бай Сяо снова прижал Чэн Юэ к себе и вздохнул:

— Совсем не хочу тебя отпускать... Как только закончу съёмки этого сериала, я обязательно буду всё время рядом, чтобы ты больше не мучился глупыми мыслями.

Они долго обнимались, как вдруг Чэн Юэ заговорил:

— Вообще-то... как только ты ушёл вчера, я сразу же пожалел. После того, как я такое сказал... почему ты всё равно пришёл?

Бай Сяо ответил:

— Всё это время ведь это я за тобой ухаживал? Если я не могу дать тебе чувство уверенности, чтобы ты считал меня семьёй, значит, я сделал ещё недостаточно. Разве у меня есть другой выбор, кроме как продолжать стараться?

— А ты... не думаешь, что я... пользуюсь твоей снисходительностью или что-то в этом роде? — виновато спросил Чэн Юэ.

Бай Сяо обнял его и тихо рассмеялся:

— Что ты, до такого далеко...

— Я всегда тебя отвергал... — в голосе Чэн Юэ звучали извинения.

— Кто сказал? Я же не сам переехал к тебе... Да и даже если бы так, ничего страшного. У того, кого любят, всегда есть право пользоваться этой любовью... Ты можешь продолжать капризничать.

Сердце Чэн Юэ содрогнулось, он чувствовал, как его подавленное и разбитое настроение понемногу рассеивается.